Уж поехал ты, Скопин, в каменную Москву,
Подружился ты с дочерью Малютиной,
Уж и съела кума молодого Скопина,
Погубила злодейка добра молодца!
Не стоять уж Скопину на резвых ногах,
Уж и быть Скопину полоненному,
Во темной во могиле схороненному.[1]

В одном из архангельских вариантов эти предостережения матери правильно помещены перед описанием крестильного пира: „родна матушка“ и „молода жена“ вдвоем просят князя:

Ты не езьди, Скопин, да за Москву реку,
Там поставят тебя-то-ведь не на пир зовут,
Не на пир тебя зовут-то, не пировать с тобой.
. . . . . .
Ты не пей-ко-ся у их да зелена вина,
Ты не кушай-ко у их все есвы сахарныя:
Да уходит тебя кума, да доць Малютьева.[2]

Не удовольствовавшись песенной картиной отравления, автор повести, как и обещал в заглавии, подробно описал погребение Скопина, причем гиперболизм всей картины еще раз подчеркнул погубившую воеводу популярность среди войска и „множества народа“. На похоронах князя собралось народу „яко звезд небесных или песка морского“; от „вопля“ „не бе гласа поющих слышать и мнетися, аки во исступление ума сущу, яко и воздуху потупнути и земли стонати и камению колебатися, не токмо церкви стенам, но и граду“; слезы покрыли „мост церковный“. Обильно украсив это описание подобной книжной риторикой, автор, однако, в плачах отдал дань и лирике народных причитаний.

Как и в картине отравления Скопина на пиру, в плачах повести характерно соединение риторики украшенного исторического стиля XV—XVI веков с отголосками старых летописных плачей и интимностью народных причетей. „Дружина хоробрая“ в своем плаче особенно близко подходит к ритмичности причети и к своеобразной лиричности ее оценок умершего:

. . . а нас еси кому ты оставил?
И хто у нас грозно и предивно и хоробро полки урядит?
И кому нас приказал служити?
И у ково нам жалованья просити?
И за кем нам радошно и весело на враги ехать со брани?[3]

Следует, впрочем, отметить, что в плачах повести все же возобладал гиперболизм книжной риторики. Не имея в данном случае опоры в устной песне, которая подсказала ему описание отравления, автор в сценах погребения предпочел итти за тем литературным стилем, который позволил ему привлечь для возвеличения своего героя библейские образы Иисуса Навина, Гедеона, Самсона и т. п.

Книжно-риторическая стихия вообще преобладает в „Писании о преставлении“. Тем интереснее, что автор, явно склонный более к торжественной книжной риторике, расценивает историческую песню как

---

[1] Там же, стр. 575.
[2] Там же, стр. 541.
[3] П. Г. Васенко. Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском. Отчет Общества любителей древней письменности за 1903—1904 гг., стр. 21.